

СТИХИ Т.А. БЕРНШТАМ

Зоопарк (сыну)

Приткнувшись в угол,
грязный лев
лениво жмурит глазки.
Его б — в пустыню или в лес,
его бы — в сны и сказки!
Ему бы гриву расчесать
и выпустить на волю,
чтоб смог он снова
зверем стать,
с грозой рыком споря!

Медведи,
выстроившись в ряд,
выпрашивают сласти,
на посетителей глядят
они с подобострастьем.

А не смирились
волк и тигр,
и с подлинною злостью
грызут
по правилам игры
обглоданные кости!

Где стаи птиц
под щелк и свист
по клеткам с шумом
носятся,
казнит
печальный марабу
неблагодарную
судьбу
с жестокостью
философа...

25.3.1967

Неспокойно мне сегодня, беспокойно:
видно, лодку где-то в море
кроют волны,
или зверь какой-нибудь по чаще
рыщет
и нигде себе найти не может пищи.

Сиротливо мне сегодня, сиротливо:
видно, где-то разлюбились
двое милых,
или тщетно друга ждут,
раскрыв оконце,
в том краю, где не заглядывает солнце.

Неприятно мне сегодня, неприятно:
как и путнику,
который жаждет утра,
не сумевшему костер разжечь
остылый
на холодной и безлесистой равнине.

Завяжу я в узелок свои несчастья
и страданья,
и оставляю в чистом поле:
может, кто своим захочет поменяться,
чтоб избавиться
от надоевшей боли...

28.3.1967

Новгород 1945 г.

В городе древнем,
разбитом фашистами,
девочкой дикой,
войну пережившей,
жадной душою
в пору становления
я собирала
свои впечатления.

В год предпоследний,
овеянный славой,
по узкой дороге
меж домом и валом,
мимо забора
усадыбы уютной
тянутся толпы
людей бесприютных.

Вал заселялся
землянками-крошками,
слабо в ночи
освещался окошками:
словно вдоль города
ночи и дни
двигался медленно
поезд с войны.

Останки святой
легендарной Софии
переселенцам
жилищем служили.
Рядом громадным
чугунным цветком
колокол веча
валялся ничком.

Около каменных
зубчатых стен
нищенский рынок
глухо шумел.
Под заржавевшим
скелетом моста
жалких лачуг
родилась пестрота.

Не было жалоб
на холод и сырость:
лица людей
ожиданьем светились.
В сумятице дней,
несмотря на усталость,
все чаще и громче
дети смеялись...

9–10.4.1967

Страх

Я боюсь остаться без крыл.
Я боюсь развлечений и сытости.
Я боюсь роскошных квартир,
лицемерия, беспринципности.

Я боюсь назиданий и слов,
мертвечиной отдающих.
Я боюсь равнодушных ослов,
равномерно и тупо жующих.

Я боюсь отчуждения и лжи,
и коварства, и зависти злой.
Я боюсь, чтобы жар от любви
не подернулся серой золой...

15.6.1967

Весна

Ах, весна! Я — твоя неудачница.
Не стучись у закрытых дверей:
твоего пробужденья сумятица
не приносит душе новостей.

Растрезвонь свою буйную радость
отупевшим от скучной зимы,
пригласи их на временный праздник,
растопи их тягучие сны.

Я поддамся тебе потихоньку...
А сейчас меня тянет пока
на морозных колючих иголках
изодрать, искровянить бока.

Ты своим мимолетным весельем
не сумеешь меня исцелить.
Легкомысленный лекарь, терпенье!
Это сладко — мученье продлить ...
30.4.1967

Лес

Мы примяли траву,
придавили цветы,
разбросали по воздуху вздохи и стоны.
Нашу сладкую тайну
прикрыли кусты.
А вокруг старый лес
бормотал монотонно.

Он на страже стоял —
этот царственный сводник:
опахалом ветвей отгонял комаров,
все дороги, тропинки

он сбросил, как сходни,
нас отрезав от чистых
и здоровых миров!

Он за нами подглядывал
шишками сосен,
и порою смущался,
прикрывшись листвой...
Старый дед! Разве ты
не использовал вёсен,
разлекаясь, как мы,
греховодник немой?

По остывшей траве
с отпечатками тел
заскользили вечерние тени-сирены...
Старый лес — хохотал,
старый лес — громко пел,
повторяя все наши
любовные сцены!

21–24.5.1967

Не люби меня, как все,
как положено.
Быть счастливой по весне —
счастье ложное.

Не сули мне тишь да гладь:
я не утица.
Как пушусь по жизни вскачь —
взбаламутится!

28.7.1967

Очаг

Распорот наискось очаг,
казалось, — прочная картина.
Увы, не носом Буратино —
ножами наших передряг.

На месте прежнего огня
повисла ключьями бумага.
И для тебя, и для меня
стал чугунок — котлищем ада!

Но часто наспех, на бегу,
не став ни ближе, ни добрее,
мы руки тянем к очагу,
забыв, что он давно не греет...

16.10.1967

Дорога

Уведи меня, дорога,
от событий, от страданий,
дай почувствовать, дорога,
прелесть вечных ожиданий.

В синей дали — неизвестность,
в чистом небе — бесконечность...
Дай, дорога, посох в руки,
чтоб отмеривать разлуки.

И когда я у порога
преклоню свои колени,
ты войди в меня, дорога,
нетерпением к перемене.

23.10.1967

На морях скандинавских, холодных и серых,
там, где чайки распластанной корчится тело,
там, где влажные скалы скрывают фиорды,
озлобленно оскалив угрюмые морды,
где рыбацкие шляпки несутся, как выстрел,
и широкие шляпы надвинуты низко,
там, где ценится слово, как крепкая снасть
и лишается трона превысивший власть,
там, где звездного блеска не терпит простор,
и туманен, как фреска, лиц и рук разговор...
В скандинавские волны
в суденышке утлом,
вопреки всем законам,
мы отправимся утром.

Русалка
(воспоминание об Ундине)

Заманили на берег русалку...
Красоте завидовали яркой:
волосам, как водоросли, длинным,
да очам зеленым и глубинным.

Говорила что-то им русалка,
извивалось пенистое тело,
и волна украсть ее хотела,
да, смеясь, удерживали палкой.

Наконец, натешились: «Умора!
Что в ней только люди находили?»
И за хвост ее закинув в море,
к девушкам любимым уходили.

21.12.1967

Лель

Долго искала Леля.
Нашла на поляне цветущей.
Села, обняв колени,
Села девочкой сущей.

О, как трава нагрелась
И распалился день!
Как до меня пелось?
Ой люли, ой люли, Лель!

С кем хороводы утрами
было водить не лень?
Не ты ли дороги запутывал
к этой поляне, Лель?

Для тех, кто далек отсюда,
лучшая песнь — капель.
Яви же свое чудо:
чаруй своей песнью, Лель!

Подносит к губам дудочку...
В сердце вонзилась трель!
Убил ты свою дурочку.
Ой люли, ой люли, Лель!

14.4.1967

Псковские церкви

Под осенним небом
в золоте ветвей
белыми грибами —
маковки церквей.

Видно, было любо
древним мастерам
этакое чудо
множить здесь и там!

Перебрали святцы,
дали имена:
пусть на небе снятся
дивные дела...

16.10.1967

Поморские напевы

Что вижу я:
грустит река —
молчит,
уйдя в свои глубины.
Моя остывшая рука
ласкает света переливы.

Ох, чую, это неспроста —
ей свадьбу
берега готовят:
раскрылось устье,
как уста,
а море черным сватом ходит!

Щедра, как никогда,
луна,
к венцу невесту обряжая,
черненой влагой
серебра
ей пряди струй перемежая.

Как полагается невесте,
река бледна
и молчалива,
а ветер тихо-тихо крестит
ее —
печально и стыдливо.

23.5.1968

Крестоносцы

На север, на запад, на юг и восток
разносятся звоны и зовы:
на Землю Святую, где веры исток,
на турок поганых и Папа, и Бог
поход объявляют крестовый.

Смирятся резвость горячих коней:
кольчуга им кровь остужает.
Засовы скрипят у дубовых дверей,
и рвутся собаки из рук егерей,
хозяина в путь провожая.

У женщин и девушек — пальцы в шелках,
а ночи прерывисты в столах...
Чернеют кресты на расшитых плащах,
чернеют кресты на тяжелых щитах,
на шлемах и красных пополах.

Струится вода с пожелтелых раки
и реками пенятся рвы.
Заржавленный мост, поднимаясь, гудит,
простуженный ворон на башне хрипит,
и рывкают пленные львы.

Как четки, нанизаны черные дни
на серую нить ожиданья ...
Утратили рыцари память любви:
Не знают погибшие новой родни,
живые не жаждут свиданья.

25.11.1968

Гамлет

Одетый в злобу и гранит,
закаленный с давних пор,
на берегу суровом спит
угрюмый Эльсинор.

Хоть Дания невелика,
и много в ней людей,
здесь поселилась на века
лишь Гамлетова тень.

С любимой флейтою в руке,
с серебряным крестом
застыл в мучительной тоске
в безмолвии пустом.

И часто, прерывая сон,
чтоб не сойти с ума,
зовет играть актеров сонм —
участников суда.

И сколько раз
в урочный час,
невидимы
для глаз,
подносят яд,
не помнят
клясть,
не слышат
Божий глас!

1974

Ночь и утро покинутой Медеи

(ЭЭЯ — остров, на котором, по преданию, жила волшебница Кирка. Название происходит от греческого восклицания скорби)

1
Боги отставили кубки.
Э-Э-Я!
Плачет Медея...
Сутки
стелются скорбью и стоном:
«Медея забыта Ясоном!»

Кирка дала очищение
Э-Э-Я!
за брата. Но ныне —
мщение
зреет в истерзанном сердце:
ревность взывает к смерти!

Годы счастливые плыли.
Э-Э-Я!

Вспомни, Медея,
не ты ли
клялась в послушании вечном
законам любви человеческим?

Дремлет Коринф неприятный.
Э-Э-Я!

Видишь, Медея,
утро
черно, как жилище Гекаты.
Не боги ли жаждут расплаты?

Бессмертная дочь Эета!
Э-Э-Я!

Скажи, Медея,
где ты
остудишь кровавые очи,
забудешь Ясоновы ночи?

2
Ночного бденья скрылись тени ...
Пурпурной тканью мщенье спеклось:
я положила на колени
сжигающий, как ревность, пеплос.

Возмездье — или милосердье?
Молчит Олимп. Застыли Парки.
И беспощадного бессмертья
меня оваял ветер жаркий.

Он все решил: проснулась кровь
свирепой гидрой в теле мертвом.
Я пеплос — траурный покров
послала дочери Креонта!

28–30.6.1974

Швенченеляй (лето 1974)

Каждый день мне является вновь
этот чуждый и вежливый край.
На литовской и польской мове
изъясняется Швенченеляй.

Я теперь — самозванная пани
среди истинных панн и панов.
Но встаю по-литовски — в туманы
под мычание польских коров.

И бродя под дождями и грозами,
улыбаюсь чему-то и жду,
что однажды, стихами иль прозою,
к сокровенному знанью приду.

И тогда, в откровении чаянном,
на единый пронзительный миг
обрету я, как дар за молчание,
и литовский, и польский язык!

Степь и Таврида

(из гл. 1)

«Солнце — золотой олень,
круторогий, жизнь несущий,
подари нам новый день,
помоги добыть насущный
хлеб!» И жертвенной струей
льется кровь в сосуд литой.

Кони топчут
степь сухую,
ночь когтит
кровавый день.
Мчатся скифы,
мчатся хунну,
впереди —
грифона тень.

А летят
за небылицю —
Беловодьем
дикарей:
белоснежной
кобылицю
Крым пасется
у морей.

Вьется грива
виноградная
вдоль хребтов,
как вдоль боков,
и тоскует,
безотрадная,
песня горных
пастухов.
Вонзился в солнце
лунный клюв,
и свет померк,
и день потух,
а хищник,
желт и узкоглаз,
привстав, обнюхивал
Кавказ...

(из гл. 2)

Освоились, расплодились,
скрутили в бараний рог
всех прочих, что от Сибири
и до карпатских отрог

в привычных торговлях и войнах
бродили и если везло,
славили свои боины,
и свое ремесло...

Но вмиг чернеющей былью
закрылся привычный свет:
в степной азиатской пыли
завиделась смерть. И бред

жрецов, дервишей, шаманов
сулил роковой закат.
И не помогали храмы,
как не помогал разврат...

(из гл. 3)

А между тем на берегах Тавриды
цвели сады и губы юных дев.
И край проклятый (как рыдал Овидий)
дарил степи любовь, вино и хлеб.

Роднились боги, духи и цари,
рождались люди от соитья муз,
росли курганы, словно алтари,
скрывающие тайну вечных уз...

И где-то между Крымом и Днепром
степной царевне Посейдон явился...
И в глубине под жертвенным костром
живой родник моей любви забился...

(из гл. 4)

Курчавится бессмертно
борода
не по векам
бодрящегося бога.
И время,
как проточная вода,
стекает
с олимпийского порога.

Не снизойдет
прощенья благодать
на душу грешную
почившего элина,
лишь множится
мятущаяся рать
теней усопших
в недрах властелина

подземного.
Бессмыслен
путь земной!
И небожителей
наскучили причуды!

Но на Востоке,
в римский перегной
уже упали
семена Иуды...

30.5.–1.6.1976

Отъезды, отъезды...

Прекрасен наш союз

А.С. Пушкин

1

Расторжен наш союз...

Расходятся дороги

от очага,

где наш пылал огонь.

Друзья безмолвны,

и бесстрастны боги,

и немощен

крылатый конь.

За тридевять земель

и трижды тридцать лет

расходимся...

Печален уз итог:

счастливых дней

утратился секрет,

остыла Птица-Жар

и канул верный Волк...

12.1.1977

2

Разлуки миг — заведомо печальный,

неотвратимый, коли пробил час.

Для берегов иной отчизны дальней

храни вас, Бог! И да помилуй нас!

И пусть отныне вам не обернется:

что толку в русских соляных столбах?

Печальным эхом глухо отзовется

на наше «Господи!» оттуда — «Ах!»»

Не уложиться нам в земные сроки
с такой любовью и такой тоской...
Но в Книге Судеб горестные вздохи
запишутся единою строкой.

14.8.1978

**Письмо Нине в Нью-Йорк
ко дню рождения в 1978 г.
(год разлуки)**

Все было нипочем
в том доме бесшабашном:
кипела жизнь ключом,
и заводились шашни,
и телефон звонил,
раскалываясь надвое,
и кто не заходил
в разбитое парадное!

На кухне темь и чад,
и чашки с кофе черным,
и «запах Ильича»
из карцера-уборной.
А сверх всего — мечты
по замкнутому кругу...
И все вокруг на «ты»,
и все нужны друг другу...

А теперь я не езжу туда
на трамвае.
Разве только случайно —
и сразу назад:
слишком горькие мысли
маршрут навевает,
где щемяще знакомые
зданья стоят.

Я не вижу друзей твоих —
бывших и разных.
Только трое
(нет, четверо)
часто звонят.
Жизнь у них суетлива,
но однообразна:
так при встрече со мною
они говорят.

Я нужна им, пока эта стадия памяти
непрерывно реальным
держаться должна.
Но не верю,
что кто-то
надолго останется,
хоть я с ними по-своему
даже нежна.

Ты живи, как жила —
своевольно и щедро,
и не очень печалься
о нашем житье.
Мы запомним тебя —
широко и победно
собиравшую праздники
в нищем жилье!

Ну, а что до меня, —
я замкнулась в молчанье,
но с улыбкой всегда
говорю о тебе:
«Да, звонила,
здорова, вся — в будущих чаяньях.
И подарки опять
собирает к весне».

Это все суета —
и подарки, и письма...
И не тем, и не этим мы
(чем же?) живем.
Неужели отныне,
во веки и присно
нам не быть
и не чувствовать
больше вдвоем?

Когда с любимым оборвется связь
и жизнь мирская превратится в пекло,
на чей алтарь я принесу, смирясь,
былых страстей щепотку пепла?

Прости мне, Господи, неверие мое,
надежду на любовь и царствие земное,
прости за все, что не дает покоя
и застит милосердие Твое!

Прости мне, Господи, неверие мое!
Но, может быть, душа в другой юдоли
вернется в сень Твоей священной Воли,
исполнив назначение свое!

Март-июль 1979

Крымские видения

*Утро, нежностью бездонное,
Полуявь и полусон,
Забывтье неутоленное —
Дум туманный перезвон...
О. Мандельштам*

1

Край ослепительный, торжественный,
безмерный...
Мир призрачности — до небытия.
В нем горести мои — химерны:
здесь надо пить блаженство забывтья.

Край искусительный для подлинной
любви:
подмена незаметна и желанна.
Так сладостно томительные дни
сменяют ночи страсти и обмана!

Неужто здесь моя бурлила кровь,
и домом было горное ущелье,
и моря набухающий покров
рождал в душе неясное волненье

от старых снов? В них грезилась зима.
Не южная, а вьюжная и злая:
тревога, как мохнатая сова,
от ложа моего не отлетала.

Я, пробуждаясь, день пила, как сок,
и все ждала единственного мига...
Когда ж тысячелетний срок истек,
я далеко была, моя Таврида!

10–16.9.1980

Поездка в Судак

Жара понемногу спáла.
Суда уходили в Судак,
где старая крепость на скалах.
И мне захотелось туда.

Волна набегала на мель,
у борта кружилась и пела,
и каменная карусель
вдоль палубы левой летела.

Все ближе и ближе к воде,
и все неприступней утесы.
Легко здесь случится беде,
да помощи ждать не придется!

На гребне чешучайтых гор,
кольцом окружающих местность,
как алчущий жертвы дракон,
раскинулась серая крепость.

Тоскливо и мрачно кругом,
и робко теснится селенье:
в нем каждый, наверное, дом
отдал дочерей на съеденье.

И стелется, стелется степь
сухой и пахучей травой...
Ах, надо друг друга беречь,
чтоб зло не скрутило змеєю!

Колышется легкий причал,
мы вышли в открытое море...
Мне кажется, кто-то кричал:
«О горе мне! Горе мне! Горе!»

20.9.1980

В другую жизнь, в иные дали
я ухожу на склоне лет.
И к прежнему возврата нет,
как и любви к тебе, мой дальний.

Мне все дары дороже стали,
а всех потерь утерян счет.
И в жизни, что теперь грядет,
нет имени тебе, мой дальний.

Но в памяти моей печальной
твой образ — как расплаты след!
И я не откажусь, о нет,
от той своей вины, мой дальний.

13.10.1985

Ты думаешь, что я когда-нибудь
вернусь к тебе, и мы про все забудем?
Но мной уже в сто жизней пройден путь
совсем одной, и спутник мне не нужен.

Но если на оставшемся пути
Господь пожелает любовь земную,
мы вместе с ним к Нему должны идти,
о всех былых страстях не памятуя.

1988

ПЕРЕВОДЫ

В. Блейк

Тигр

Тигр! Тигр! Зловещий свет,
чащ лесных полночный бред,
Словом Божьим иль рукой
соразмерен образ твой?

В пекле иль на Небесах
огнь вожжен в твоих глазах?
Чьим крылом раздут пожар?
Кто огонь в руке держал?

Чьим усилием, чьим искусством
начал сердца биться мускул?
В миг, когда раздался стук,
члены — чьи — сковал испуг?

Молот — чей? И цепи — чьи?
Мозг кипел — в какой печи?
На какой из наковален
этот ужас был изваян?

И когда погасли звезды,
небеса умылись слезно,
усмехнулся — кто — на труд?
Агнец — дело тех ж ль рук?

Тигр! Тигр! Зловещий свет,
чащ лесных полночный бред,
Словом Божьим иль рукой
явлен грозный облик твой?

26–27.11.1983

Храм

Я видел храм, весь золотой,
куда войти никто не смел,
и толпы плачущих, скорбя,
молясь, стояли возле стен.

Я видел Змея, что возник
в белой стройности колонн,
и внезапно заскользив,
снес золотые створы он

и в рубиновых огнях
на мозаичном полу
всей лоснящейся длиной
протянулся к алтарю,

где он с силою изверг
яд свой на Вино и Хлеб!
И решил я, что не грех
возвратиться к свиньям в хлев.

27–28.11.1983

Дж. Китс

Песни

О древо, познавшее счастье!
Не помнят ветви твои
в декабрьском мрачном ненастье
блаженства зеленого дни.
Ни ветер не может сорвать их,
со свистом бросаясь в натиск,
ни изморозь — помешать их
почкобиению внутри.

Ручей мой, познавший счастье!
Искрящихся струек ряд
в декабрьском мрачном ненастье
забыл Аполлона взгляд.
Не мысля о сладостном миге,
застыв в кристальном изгибе,
стоит, не держа обиды,
на хладом сковавшие дни.

Ах, в возрасте юном так же
случается вновь и вновь!
Но разве запомнит каждый,
как умирает любовь?
И как исчезает чувство, —
чему никакое искусство
не даст забытье бесчувствия, —
не могут сказать стихи.

12.12.1983

Стихи, написанные в доме Бёрнса

Тело, бывшее мертвым многожды дней,
возродилось, о Бёрнс, в твоём собственном доме,
где, счастливый, ты грезил о славе своей,
и где призрак Суда не витал над тобою!
От ячменного пива быстрее пульсирует кровь,
просветляется ум от глотка за великую душу,
но туманится зренье, и ясно увидеть невмочь,
как со мною умерший бокал свой осушит.

Но все же я смогу, по комнате блуждая,
открыть окно, чтоб луг увидеть твой,
тобой исхоженный от края и до края,
и вызвать призрак твой смятенною душой.
И выпить за тебя, Улыбка в царстве теней,
за то, что наступило славы время!

13–14.12.1983

Элизабет Баррет Броунинг

Португальские сонеты

1

Однажды вспомнилось мне пенье Феокрита
времен блаженных, светлых, дорогих:
был щедрым дар его для смертных сих,
и были все сердца ему открыты.
И в думах над его античной лирой
слезами затуманились мои глаза,
и жизни собственной прошедшие года,
столь сладкие и грустные проплыли
печальной тенью. И, рыдая, я
почувствовала Призрак за спиною,
который ухватил за волосы меня
и с силою тащил назад с собою.
И голос властный был:
«Кто держит здесь тебя?»
«Смерть». «Нет, Любовь», — серебряным
в ответ пропелось звоном.

20.12.1983

2

Нас только трое было в Божьем мире,
когда ты слово произнес свое: ты,
слушавшая я, и за тобой Его я слышала,
Кем слово повторилось.
Такою чернотой нагрнула беда,
что очи мне внезапно ослепила,
и от меня лицо твое сокрыла,
и в этот самый миг я умерла.
Божественное «нет» звучит как приговор,
и изменить его не в нашей власти.
Нас никогда б не разлучили, о друг мой,
ни бури, ни моря и ни людские страсти!
Мы руки наши съединили б над горой,
и в небесах души зажгли бы звезды счастья!

21.12.1983

Сложная музыка

Усиьем музыканта — лишь игра
терзает струны нашего терпенья,
сама ж мелодия — иных миров рожденье —
нам недоступна; странна и грустна,
она плывет и холодом смертельным
объемлет душу, сердце отврадив
от радостного мира, где мотив
звучит сладчайшей соловьиной трелью.
«То музыка ль?» — мы ропщем, негодуя, —
«Ни ритма, ни созвучия в ней нет».
Но Ангелов невидимый Совет
улавливает музыку другую.
И улыбаясь нам сияньем звезд,
они, ликуя, шепчут: «Это — свет».

7–8.1.1984

Лорд Рэндал (баллада)

— О, где же гулял ты, лорд Рэндал, мой сын?
О, где же гулял ты, прекрасный юнец?
— В лесу я был, мать, стелите постель:
ослаб от охоты и хочется лечь.

— Ты встретил кого-то, лорд Рэндал, мой сын?
Кого же ты встретил, прекрасный юнец?
— Любовь свою, мать, стелите постель:
ослаб от охоты и хочется лечь.

— Она угощала, лорд Рэндал, мой сын?
И чем угощала, прекрасный юнец?
— Жарким из угрей, мать, стелите постель:
ослаб от охоты и хочется лечь.

— Чем ты заплатил ей, лорд Рэндал, мой сын?
Что ты ей оставил, прекрасный юнец?
— Псов, ястребов, мать, стелите постель:
ослаб от охоты и хочется лечь.

— И что с ними стало, лорд Рэндал, мой сын?
Что с ними случилось, прекрасный юнец?
— Погибли все, мать, стелите постель:
ослаб от охоты и хочется лечь.

— А ты не отравлен, лорд Рэндал, мой сын?
Отравлен ты, чую, прекрасный юнец!
— Отравлен я, мать, стелите постель:
слабею я сердцем и хочется лечь.

— Что мне ты оставишь, лорд Рэндал, мой сын?
Что мне ты оставишь, прекрасный юнец?
— Всех дойных коров, мать, стелите постель:
слабею я сердцем и хочется лечь.

— Сестре что оставишь, лорд Рэндал, мой сын?
Сестре что оставишь, прекрасный юнец?
— Все золото мое, мать, стелите постель:
слабею я сердцем и хочется лечь.

— Что брату оставишь, лорд Рэндал, мой сын?
Что брату оставишь, прекрасный юнец?
— Поля, табуны, мать, стелите постель:
слабею я сердцем и хочется лечь.

— Что дашь ты любимой, лорд Рэндал, мой сын?
Что ей пожелаешь, прекрасный юнец?
— Адский огонь, мать, стелите постель:
слабею я сердцем и хочется лечь.

1986–1987